

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Сторона 1

Вечер в Неаполе (Саместник) — 1.40
(ОХ 434 — 1926 г.)

Первый инструментальный ансамбль «Джаз-банд»
под управлением А. ЛЬВОВА-ВЕЛЬЯМИНОВА

Американский фокстрот — 1.20
(МТА 180 — 1927 г.)

Оркестр-джаз под управлением С. КОРТА

Аллилуйя (В. Юманс) — 3.07
(МТ 12 — 1928 г.)

Шанхайская колыбельная (В. Юманс) — 2.55
(МТ 269 — 1929 г.)

Vau-vau (В. Юманс) — 3.03
(МТ 535 — 1929 г.)

АМА-джаз под управлением А. ЦФАСМАНА

Гавайское эхо (обработка А. Цфасмана) — 2.17
(МТ 157 — 1929 г.)

Джон Данкер, гавайская гитара
Александр Цфасман, фортепиано

Я хотел бы знать (обработка Г. Ландсберга) — 2.50
(МТ 555 — 1929 г.)

Матлот (Хейман) — 2.36
(МТ 2917 — 1933 г.)

Ленинградская джаз-капелла
под управлением Г. ЛАНДСБЕРГА

Сторона 2

Арабелла (Т. Фиорито) — 2.33
(МТ 2063 — 1932 г.)

Блюз для троих (обработка Н. Игнатъева) — 3.26
(МТ 2070 — 1932 г.)

Сюита (Д. Мейер) — 2.18
(МТ 2069 — 1932 г.)

Еврейская рапсодия (И. Дунаевский) — 3.20
(МТ 2071-72 — 1932 г.)

Конго (Кинг Оливер) — 4.30
(МТ 02192 — 1932 г.)

Три поросенка (Ф. Черчилл) — 2.40
(60 — 1934 г.)

У окошка (обработка Л. Утесова — В. Лебедев-Кумач) — 4.38
(064 — 1934 г.)

Теа-джаз ЛЕОНИДА УТЕСОВА

Реставратор Т. Павлова. Редактор Г. Скороходов
Художник Б. Дударев

Итак, «Антология советского джаза». Не собрание всего того, что было записано на пластинки различными джазовыми коллективами, начиная с их первых шагов и до наших дней, а лишь избранные произведения. С «первыми шагами» оказалось труднее всего.

Если обратиться к статьям, брошюрам, книгам, касающимся или целиком посвященным истории джаза в нашей стране, в том числе и такому фундаментальному труду, как исследование «Советский джаз» Алексея Баташева, можно легко убедиться, что Первый в РСФСР экспериментальный оркестр — джаз-банд Валентина Парнаха был создан в 1922 году и дебютировал 1 октября того же года, исполнив «новейшие номера джазбандовой литературы». Историки джаза расскажут и о Первом концертном джаз-банде под управлением Леопольда Теплицкого, так называемом «джазе профессоров», собравшем в 1927 году педагогов-консерваторцев, и о появившемся год спустя Передвижном концертном джаз-банде Бориса Крупышева и т. д. В этих работах названы составы коллективов и перечислены почти все вещи, сыгранные пионерами советского джаза.

Однако, как ни парадоксально, упомянутых имен, названий ансамблей, как и произведений, входивших в программы первых джазменов, на пластинках не оказалось. Граммофонные диски обнаружили другое: Первый инструментальный ансамбль «Джаз-банд» под управлением А. К. Львова-Вельяминова, записавший в 1926 году несколько танце-

вательных пьес, коллектив под управлением Сигизмунда Корта, появившийся на пластинках с входившими в моду фокстротами, и другие имена, о которых ни в одном специальном исследовании нет ни слова. Иными словами, далеко не все, о чем так много и интересно написано в книгах и статьях о советском джазе, нашло отражение в грамзаписи. Мало, очень мало зафиксирована на пластинках Ленинградская джаз-капелла под управлением Георгия Ландсберга, нет записей начала 30-х годов коллектива Александра Цфасмана, не обнаружены диски джаза «Астория» и многое другое.

Вместе с тем грамзапись вносит и некоторые поправки в распространенные среди музыковедов представления. Она свидетельствует, к примеру, о том, что Теа-джаз Леонида Утесова не пренебрегал инструментальной музыкой, что весомый вклад в развитие советского джаза внес такой талантливый коллектив музыкантов, каким был джаз-оркестр под управлением Якова Скоморовского, и так далее.

Обвинять при этом кого-либо в преднамеренном искажении фактов не приходится — граммофонные пластинки 20-х, начала 30-х годов дошли до нас зачастую в уникальных экземплярах и, естественно, исследователям были недоступны.

«Антология» выдвинула и другие проблемы. Известно, что Всесоюзная студия грамзаписи в течение ряда лет выпускает пластинки, которые можно назвать звуковой историей советской эстрады. В этой серии представлены и джазовые ансамбли Л. Утесова, А. Цфасмана, А. Варламова, А. Семенова.

«Антология» предполагает лишь собрание избранного. Поэтому было решено составлять отдельные программы из уже изданного на долгоиграющих дисках, сохранив преимущество за теми произведениями джазового фонда, которые давно не издавались на пластинках. Цель при этом остается одна — дать в «Антологии» лучшие, наиболее типичные для джазовых коллективов произведения, записанные в 20 — 50-е годы.

Пластинка «Первые шаги» включает записи 1926 — 1934 годов.

«Вечер в Неаполе» — фокстрот, сыгранный Первым инструментальным ансамблем «Джаз-банд» под управлением А. К. Львова-Вельяминова в 1926 году. Эта уникальная запись, сделанная Музпредом еще акустическим способом — без микрофона, с помощью так называемой «звукособирающей» трубы, была выпущена тиражом в тысячу экземпляров. То, что руководитель этого коллектива (называвшегося сначала духовым, потом салонным оркестром) присвоил своему ансамблю имя «первого джаз-банда», не удивительно: в ту пору музыканты, исполнявшие танцевальную музыку, стремясь идти в ногу с модой, спешили сменить вывеску, публично объявляя о своей отверженности джазу. Запись фокстрота Саместника дает возможность услышать звучание своеобразного симбиоза салонного оркестра с джазом.

«Американский фокстрот» в исполнении оркестра-джаза под управлением Сигизмунда Корта записан Музтрестом также акустическим способом. Салонный оркестр виолончелиста Большого театра С. Корта одним из первых стал на советских пластинках записывать современную танцевальную музыку. Известна его запись фокстрота М. Блантера «Джон Грей» и кальмановского «Шимми» из оперетты «Баядера». В те годы и несколько позже ансамбли, исполнявшие музыку для танцев, особенно фокстроты, считали вполне называться джазами. А если при этом они пользовались зарубежными оркестровками или им удавалось скопировать иностранную запись, это право выглядело безусловным.

Фокстрот Висента Юманса «Аллилуйя» не только самая ранняя запись ансамбля Александра Цфасмана, но и одна из первых электрозаписей, сделанных Музтрестом. В ансамбле тогда играли: Александр Цфасман — фортепиано, Владимир Печаткин — банджо, Александр Трахтеров — баритон-саксофон и бас-кларнет, Николай Буров — кларнет, альт-саксофон и сопрано-саксофон, Андрей Романенко — труба, Анатолий Миловидов — тромбон, Иван Бачеев — ударные.

Два фокстрота того же Юманса — «Шанхайская колыбельная» и «Vau-vau» также записаны ансамблем Цфасмана. Цфасмановский коллектив с момента своей организации в декабре 1926 года носил название АМА-джаз. Аббревиатура «АМА» расшифровывается как «Ассоциация московских авторов» — так называлось одно из небольших музыкальных издательств, существовавших в те годы в столице. Все оркестровки АМА-джаза выполнены его руководителем.

В обработке Александра Цфасмана в программу включена и пьеса «Гавайское эхо» (музыка Лилиукалани). В конце 20-х годов Александр Цфасман выступал не только как руководитель АМА-джаза и его солист, но и как участник фортепианного дуэта с Евгением Петуниным и инструментального дуэта с Джоном Данкером, популярным исполнителем на банджо и гавайской гитаре. Гавайская гитара Ивана Николаевича (по эстраде — Джона) Данкера представлена на многих граммофонных записях конца 20-х — начала 30-х годов.

Фокстрот «Я хотел бы знать, какой у меня вид, когда я сплю» — первая запись одного из лучших джазовых ансамблей конца 20-х годов — Ленинградской джаз-капеллы под управлением Георгия Ландсберга. В составе капеллы были прекрасные музыканты, многие из которых в конце 30-го года вошли в состав утесовского Теа-джаза «второго созыва»: Георгий Ландсберг, Николай Минх — фортепиано, Георгий

Ятков, Иван Романенко — трубы, Александр Пивоваров — тромбон, Николай Рукавишников — альт-саксофон, кларнет и бассетгорн, Орест Кандат — альт-саксофон и банджо, Аркадий Котлярский — тенор-саксофон и баритон-саксофон, Борис Крупышев — банджо, Юрий Капецкий — труба, Михаил Курбанов — ударные. Обработка фокстрота принадлежит Г. Ландсбергу, поет — О. Кандат.

Матросский танец «Матлот» Хеймана, остроумно переложенный для джаза Л. Дидерихсом, записан Ленинградской джаз-капеллой в конце 1933 года.

Вторая сторона пластинки отведена коллективу Леонида Утесова — Теа-джазу. В те годы, когда записывались произведения, включенные в программу «Первые шаги», состав Теа-джаза был следующим: Леонид Утесов — дирижер, скрипка, пение, конферанс, соло на джаз-флейте, Михаил Ветров, Яков Ханин — трубы, Валентин Ершов — тромбон, Николай Рукавишников, Орест Кандат, Изяслав Зелигман — альт-саксофоны, Аркадий Котлярский — тенор-саксофон, Юрий Капецкий — труба, Альберт Триллинг — скрипка, рояль, Николай Минх — рояль, аккордеон, Борис Градский, Николай Виниченко — банджо, Зиновий Фрадкин, Николай Самошников — ударные.

Танцевальной пьесой Т. Фиорито «Арабелла» в обработке Николая Игнатъева зачастую начинались выступления Теа-джаза. Во время исполнения этого фокстрота Утесов обычно представлял музыкантов своего коллектива. «Арабелла» явилась первым произведением, которое Теа-джаз (среди двенадцати других) записал в кабинете Музобъединения ВСНХ РСФСР в середине 1932 года.

«Блюз для троих» Дональда Линдли в исполнении Михаила Ветрова (труба), Николая Минха (рояль) и Зиновия Фрадкина (ударные) — уникальная запись, отпечатанная только в пробных экземплярах и по техническим причинам в ту пору в массовый тираж не поступившая.

Фокстрот «Сюита» Д. Мейера — одна из ранних обработок, сделанная начинающим пианистом и аккордеонистом Теа-джаза, будущим композитором Николаем Минхом.

Для программы утесовского оркестра «Джаз на повороте» И. Дунаевский написал четыре инструментально-песенных рапсодии. Две из них «Русская» и «Украинская» — опубликованы с незначительными сокращениями на долгоиграющем диске «Памяти Леонида Утесова. «Музыкальный магазин». Третья — «Еврейская» — представлена также с сокращениями на пластинке «Первые шаги». Мы публикуем первый вариант этой рапсодии, из-за нарушений технических требований к записи в массовый тираж не поступивший.

Блюз «Конго» Кинга Оливера представляет собой попытку музыкантов Теа-джаза сыграть «один к одному» произведение джазовой классики, выпущенное на зарубежных дисках. Это стремление ощущается и в бережном переносе Николаем Игнатъевым первоначальной инструментовки на утесовский состав.

Фокстрот Фрэнка Черчилла «Три поросенка» из музыки к одноименному фильму Уолта Диснея был обработан Леонидом Игнатъевым для сатирической мелодекламации на стихи В. Лебедева-Кумача «Попочка и мышки», которую исполнял Л. Утесов. Отсюда и первоначальное название появившейся вскоре инструментальной пьесы — «Мышки». Запись сделана в студии Грампластреста 25 февраля 1934 года.

В основе танго-фокстрота «У окошка» лежит мелодия городских окраин. По свидетельству А. Котлярского, у этого, как и у некоторых других произведений, «твердой» инструментовки не существовало: музыканты играли импровизационно в рамках обусловленной очередности. Мы воспроизводим один из редких вариантов этой записи, сделанной на «гиганте» Леонидом Утесовым и его коллективом 26 февраля 1934 года.

Глеб Скороходов

Для составления программы были использованы пластинки и матрицы, хранящиеся в Центральном государственном архиве звукозаписей СССР, архиве ВСГ, Ленинградском музее театрального и музыкального искусства, у вдовы Л. Утесова — А. Ревельс, а также у коллекционеров Э. Кирша из Уфы и Б. Метлицкого из Ленинграда, которым Студия выражает благодарность.

Индексы, стоящие перед номерами, означают: «ОХ» — запись произведена государственным музыкальным трестом «Музпред» Народного комиссариата просвещения. «МТА» — акустическая запись, сделанная Музтрестом ВСНХ РСФСР. «МТ» — этим индексом помечены матрицы, нумерация которых начата Музтрестом с введением электрозаписи в конце 1928 года.

Без индекса даются номера матриц, которые выпускались Грампластрестом начиная с декабря 1933 года.